

МЕТОДОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Х.-П. Блоссфельд, И. Хьюинк

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ПУТЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: ТЕМЫ, КОНЦЕПЦИИ, МЕТОДЫ И ПРОБЛЕМЫ*

Цель настоящей статьи — с помощью обзора актуальных тем и методов исследования жизненных путей обосновать тезис о том, что исследователь должен исходить из относительно устойчивой и продолжительной значимости социального неравенства и социально-структурной дифференциации для возможностей жизнеустройства отдельных индивидов. Поэтому мы будем действовать очень выборочно и ограничимся несколькими, на наш взгляд, самыми важными аспектами. У истоков исследования жизненных путей изначально стояла идея о том, что социальную и институциональную структуру общества, включая ее изменения во времени, можно выявить и проанализировать на основе изучения биографий членов этого общества из нескольких следующих друг за другом возрастных когорт.

1. Введение

У истоков исследования жизненных путей изначально стояла идея о том, что социальную и институциональную структуру общества, включая ее изменения во времени, можно выявить и проанализировать на основе изучения биографий членов этого общества из нескольких следующих друг за другом возрастных когорт (Hogan 1978: 573-586; Müller 1978; Kohli 1985: 1-29; Mayer 1987: 51-73; Riley 1979). Эта идея, в свою очередь, коренилась в осознании того, что закономерности в частоте и временной последовательности событий, характеристик и позиций в жизни человека в значительной степени обусловлены общественными структурами. Поэтому изменения биографий должны иметь прямое соответствие в исторической трансформации общества.

Таким образом, изначально исследование жизненных путей определялось интересами макроанализа. В Германии это обстоятельство нашло свое выра-

* Печатается с разрешения авторов по: Blossfeld H.-P., Huinink J. Lebensverlaufsforshung als sozialwissenschaftliche Forschungsperspektive: Themen, Konzepte, Methoden und Probleme // BIOS. 2001. No 2.

жение в таких понятиях, как «социальная структура жизненного пути» (Mayer 1987: 51-73) или «биография как институт (Kohli 1985: 1-29). С первым понятием был связан тезис о том, что исследователь должен исходить из относительно устойчивой и продолжительной значимости социального неравенства и социально-структурной дифференциации для возможностей жизнеустройства отдельных индивидов. Согласно этому подходу, социальное происхождение, образование, профессиональная подготовка и начало трудовой жизни в современных обществах, как и прежде, являются главными факторами, определяющими индивидуальные биографии (Mayer, Blossfeld 1990: 297-318). Интерпретация биографии как института указывала на институционально упорядоченный временной режим биографий, сформировавшийся в ходе модернизации и ориентированный в первую очередь на хронологический возраст людей. Он представляет собой надежную систему координат из ключевых моментов каждого возраста, предназначенную для описания жизнеустройства людей (Riley 1979; Kohli 1985: 1-29). При этом особое значение придается влиянию государственного регулирования на индивидуальную биографию (Mayer, Müller 1986: 217-245; Mayer, Schöpflin 1989: 187-209; Kohli 1985: 1-29).

Широкомасштабные эмпирические исследования жизненных путей проводятся в Германии с начала 1980-х гг. С этого времени их содержательная направленность значительно расширилась. Были модифицированы и усовершенствованы теоретические модели. Тот факт, что изменение социальных и институциональных структур общества в конечном итоге есть результат действий и определенного поведения людей, объединенных социальными сетями, вызвал повышенный интерес к логике биографии с позиции индивида и к стоящим за ней процессам принятия решений (Blossfeld, Prein 1998; Goldthorpe 2000; Huinink 1995). Однако исследование жизненных путей не потеряло из виду и свою изначальную цель. Напротив, теперь исследователи пытаются объяснить социальные изменения, учитывая тот факт, что общественные структуры и институты напрямую связаны с уровнем индивидуального действия. Индивидуальная биография анализируется как связующее звено между различными внутри- и межличностными уровнями, которое позволяет проводить динамическое, многомерное и многоуровневое моделирование общественного развития (Blossfeld, Rohwer 2001).

Цель настоящей статьи — обосновать сформулированный выше тезис с помощью обзора актуальных тем и методов исследования жизненных путей. Конечно, у нас нет здесь возможности дать хоть сколько-нибудь полный обзор этой стремительно расширяющейся области исследований. Поэтому мы будем действовать очень выборочно и ограничимся несколькими, на наш взгляд, самыми важными аспектами.

2. О концепции жизненного пути

В центре количественного исследования жизненных путей стоит «индивидуальный жизненный путь» как последовательность действий и событий в различных сферах жизни и в институционализированных полях деятельнос-

ти» (Mayer 1990: 9) . Поэтому жизненный путь можно также рассматривать как последовательность более или менее продолжительных состояний и характеристик людей, которые с течением времени изменяются в связи с деятельностью и событиями. Формально жизненный путь можно описать как стохастический процесс с непрерывной временной осью и многомерным пространством состояний, отражающим изменяющиеся во времени свойства, позиции и качества людей.

Важным исходным пунктом дальнейших размышлений, на котором мы не будем здесь останавливаться более подробно, является небезосновательное предположение о том, какая индивидуальная логика действия лежит в основе жизнеустройства отдельного человека. В соответствии с ней мы рассматриваем жизненный путь индивида как результат его стремления — в определенных заданных ситуативных условиях — реализовать оптимальный по его субъективным меркам вариант жизнеустройства, используя имеющиеся в его распоряжении ресурсы и руководствуясь индивидуальными целями и предпочтениями (Blossfeld, Prein 1998; Huinink 2000: 209-227). Если в прошлом индивид сам в своих планах и действиях подвергался воздействию общественных структур, то впоследствии он и окружающие его люди сознательно или невольно способствуют изменению этих структур в настоящем и будущем.

Структурные характеристики и условия планирования и организации жизни более точно можно описать следующим образом (Huinink 1995):

1. Путь индивида в определенной жизненной сфере -- это *самореференциальный процесс*.

Человек действует в том числе на основе накопленных им в соответствующей жизненной сфере материальных, социальных и культурных ресурсов и жизненного опыта (например, на основе предшествующей образовательной или профессиональной карьеры). *Предыстория* в той или иной жизненной сфере тем самым всегда включена в актуальный процесс принятия решения и действия человека. Майер говорит о жизненном пути как об «эндогенной причинной взаимосвязи» (Mayer 1987: 60; Mayer 2001). С этим он связывает свой уже упомянутый тезис, согласно которому самому жизненному пути присуща «социальная структура», возникающая как рефлекс на существовавшие в прошлом социально-структурные условия.

Таким образом, следует обращать внимание на «преформирующий» (научающий) опыт и решения в релевантных областях жизни, которые определенным образом ограничивают или расширяют спектр возможных выборов в будущих решениях и тем самым направляют жизненный путь в определенное русло. Это первый важный источник контингентности жизненного пути (Rohwer 1995).

2. Жизненный путь человека — это *многомерный процесс*. Он протекает в нескольких взаимосвязанных жизненных сферах.

Каждую жизненную сферу можно рассматривать как процесс, являющийся частью жизненного пути в целом. В качестве примера можно назвать образова-

тельную карьеру, семейную жизнь, процесс трудовой деятельности или протекание болезни. В принципе мы включаем сюда также аспекты психосоциального развития личности. Поэтому имеет смысл в концепции жизненного пути объединять психологические характеристики и элементы психологии развития с социологическими измерениями (Elder, Caspi 1990: 22-57; Heckhausen 1999).

Различные сферы жизни человека, как правило, не автономны, а взаимосвязаны и взаимообусловлены. Контингентность жизненного пути как раз и возникает из взаимозависимости различных жизненных сфер. При этом отдельные измерения жизненного пути в разных жизненных ситуациях и в зависимости от возраста могут иметь разную значимость для жизнеустройства. Так, сегодня переход в стадию зрелости характеризуется прежде всего стремлением достичь важных целей развития («статусных переходов») для обеспечения материальных условий жизни в будущем (Blossfeld, Nuthmann 1989: 845-867; Heinz 1995; Heinz 1999; Blossfeld 2000: 239-263). Соответственно, при планировании этого «статусного пассажа» первостепенное значение отводится требованиям успешного профессионального образования и вступления в трудовую жизнь (Weymann, Heinz 1996; Heinz 1992; Sackmann, Wingens 2001)*. Аспекты построения частной жизни, такие, как вступление в брак, внебрачное сожитительство или переход в стадию родительства (рождение первого ребенка) пока, по-видимому, отходят на второй план (Huinink 1995; Blossfeld, Klijzing (Manuskript)).

3. Жизненный путь человека включен в высокодифференцированные многоуровневые общественные процессы.

В частности, он протекает при структурирующем влиянии:

– жизненных путей других людей, с которыми человек состоит в более или менее тесных отношениях интеракции: родителей, партнеров, детей, друзей и т. д. (ср., напр.: Blossfeld, Drobnic 2001);

– общественных институтов и организаций (промежуточных инстанций, государственных учреждений, трудовых организаций) (ср., напр.: Brüderl 1991; Preisendörfer, Burgess 1988: 32-45);

– условий жизни в социальных и региональных контекстах, в которых протекает жизнь индивида или которые чередуются во времени (ср., напр.: Huinink, Wagner 1989: 669-689; Strohmeier 1989: 165-188)

– сложившихся и изменяющихся общественных структур и исторических событий, которые представляют собой социоструктурные, политические, правовые, культурные и экономические условия организации жизни (ср., напр.: Nauck 1997: 162-199; Mayer, Huinink 1990: 442-459).

* Понятие *статусного перехода* обозначает центральное событие в жизни, ведущее к значимому изменению социального положения и организации жизни индивида. Сюда относится, в частности, окончание школы, начало трудовой деятельности или вступление в брак. Оно имеет далеко идущие последствия для дальнейшего жизненного пути. *Статусные пассажи* понимаются как такие фазы жизненного пути, во время которых статусные переходы в нескольких жизненных сферах ведут к кардинальной перестройке жизненных обстоятельств (Weymann, Heinz 1996; Heinz 1992; Sackmann, Wingens 2001). Сюда относятся шаги, ведущие к переходу в стадию зрелости (Blossfeld, Nuthmann 1989: 845-867; Buchmann 1989).

В принципе, у индивидов есть возможность избежать подобного рода влияний за счет изменения социальных отношений или пространственной миграции («Exit», «исход»). Они могут целенаправленно искать или создавать новые контекстные условия, завязывать новые социальные отношения, которые в большей мере позволяют им преследовать и реализовывать их долго- или краткосрочные жизненные цели. Поэтому жизненный путь человека всегда включает в себя более или менее частые смены социального или пространственного контекста жизни (Wagner 1989). И наоборот: индивидуальное жизнеустройство одного человека влияет на организацию жизни других людей, а также отражается, хотя, как правило, очень незначительно, в общественном развитии на всех уровнях социальной жизни. Тем самым отдельные индивиды способствуют не только социальному воспроизводству, но и социальным изменениям в обществе.

Эти концептуальные положения задают исходную точку теоретической программы исследования жизненных путей. Вместе с тем они создают основу для приложимой на практике каузально-аналитической модельной структуры и, следовательно, для методологического развития (Blossfeld, Rohwer 2001; Upchurch, Lillard, Panis 1995). Мы рассматриваем жизненный путь людей как нелинейный, высоко комплексный процесс, и главными источниками этой нелинейности считаем самореферентность, пространственно-временную взаимозависимость жизненных сфер и вертикальную взаимозависимость между различными уровнями социальных процессов.

Время выступает средством связи между отдельными уровнями. Поэтому в исследованиях жизненных путей в центре внимания стоят изменения состояний индивидуальных акторов во времени. При этом хронологический возраст акторов, вписывающийся в историческое время, задает важную, хотя и не единственную исходную точку анализа. Другие важные временные ориентиры, тесно связанные с актором, -- это год рождения индивида и идущее вместе с возрастом календарное время. Возраст дает возможность динамического соотнесения различных жизненных сфер. Параллелизм возраста и исторического времени позволяет соотнести жизненные пути индивидов с процессом исторических общественных изменений. Члены различных возрастных когорт проживают разные отрезки исторического времени в разном возрасте, со всеми возможными последствиями для их индивидуальных жизненных путей (Blossfeld 1989; Buchmann 1989; Diewald, Huinink, Heckhausen 1996: 219-248; Hareven 1978; Mayer, Huinink 1990: 442-459; Sackmann 1998; Sackmann, Weymann, Wingens 2001). Исследование воздействия социальных изменений и исторического развития на организацию жизни людей становится возможным за счет того, что для когорт по каждому году рождения существует точное соответствие между историческим временем и возрастом.

Однако концепция жизненного пути позволяет моделировать более комплексные и дифференцированные временные координаты (Mayer, Huinink 1990: 442-459). С определенным событием на жизненном пути, скажем, с вступлением в первый брак, всегда начинается новый отрезок времени. Начинают идти новые «часы»: время с первой свадьбы, т. е. период супружества. После возможного развода начинают тикать уже другие часы, а период супружества завершен. Переломное историческое событие, каким является,

например, конец ГДР, тоже может стать точкой старта для новых часов. Таким образом, можно выявить много -в том числе идущих параллельно -- «часов», которые измеряют сроки пребывания в определенных состояниях или периоды, прошедшие после наступления каких-либо событий, на разных уровнях контекста индивидуальной жизни. Они определяют временные координаты, которые могут иметь большое значение для дальнейшего хода жизни. Не только те или иные недавно начавшиеся состояния индивида или только что произошедшие события сами по себе, но и продолжительность пребывания в этих состояниях, и время, прошедшее уже после того или иного события, могут оказывать многообразное воздействие на последующий жизненный путь. Наряду с возрастом и календарным временем можно параллельно моделировать и эти периоды состояний в биографии. В этой связи говорят о моделировании параллельных процессов (Blossfeld, Rohwer 2001) или о так называемых моделях «multiple clock» («множественные часы») (Lillard 1993: 189-217).

Конечно, анализ жизненных путей — не единственный подход к исследованию индивидуальных биографий. В социально-научном исследовании развития предпринимается попытка связать индивидуальную биографию и психосоциальное развитие человека с историческим контекстом общественного развития и его событиями. Социально-научное исследование развития расширяет спектр наблюдаемых социальных процессов (Elder, Caspi 1990: 22-57). В рамках психологии развития здесь следует упомянуть прежде всего подход «Life Span Development» («развитие жизненного пути») (Baltes, Reese, Nesselroade 1988; Brandstädter 1990: 322-350). Мы уже указывали на то, что эти подходы могут и должны быть интегрированы в исследование жизненных путей. Особый интерес представляет «интеракция» психологических переменных с различным -- в зависимости от исторической ситуации -- опытом людей и его влиянием на их жизнеустройство и жизнеобеспечение (Diewald, Huinink, Heckhausen 1996: 219-248; Heckhausen 1999).

Другой эмпирический подход, который скорее дополняет исследование жизненных путей, чем конкурирует с ним (Erzberger, Prein 1997: 141-154; Erzberger 1998; Prein, Erzberger 2000: 343-357), -- биографическое исследование (Matthes, Pfeiffenberger, Stosberg 1981; Kohli 1985: 1-29; Fischer-Rosenthal, Rosenthal 1997: 405-427). Представители этого подхода исследуют биографии на основе их субъективных реконструкций, проведенных самими индивидами (Fuchs 1984; Heinz 1991a; Heinz 1991b; Weymann, Heinz 1996). Индивидуальное структурирование и обработка истории жизни и актуальных жизненных условий должны быть расшифрованы и «поняты» как субъективный процесс интерпретации и построения. Основу анализа составляют в первую очередь устные или письменные биографические рассказы. Похожий с точки зрения методологии подход применяется в *исследовании устной истории* (Niethammer 1980; Hartewig, Halbach 1990; Niethammer, von Plato, Wierling 1991; v. Plato 1/2000: 5-29). Здесь исследователи пытаются на основе открытых ретроспективных интервью реконструировать социальную историю через призму рассказов отдельных людей и определить ее конкретное влияние на индивидуальное жизнеустройство.

3. Методы исследования жизненных путей

3. 1. Данные и модели

Жизненный путь человека эмпирически может быть описан в данных о датах значимых событий индивидуальной жизни, периодах деятельности и сопутствующих им изменениях положения в различных жизненных сферах, начиная с самого рождения. Собранный хронологическая информация должна быть по возможности без пробелов. Так мы узнаем о жилищной истории, о значимых событиях в детстве, об образовательной и трудовой карьере, о последовательности форм жизни, к которым относятся сближение и расставание с другими людьми, изменение семейного положения и рождение детей. Кроме того, можно привлечь информацию об «истории здоровья», участии в общественных организациях и многом другом. Таким образом, данные о жизненном пути служат основой дифференцированного, многомерного моделирования жизненных ситуаций во временном разрезе и соотнесения с историческими социокультурными и институциональными условиями в обществе. На первом плане традиционно стоят сухие факты о характере и времени значимых событий в жизни человека. Однако все большее значение приобретают и «мягкие» показатели индивидуальной ориентации и психосоциальных диспозиций индивидов.

Как правило, хронологические данные для разных жизненных сфер собираются путем стандартизированного опроса. Есть две стратегии: во-первых, в ретроспективных опросах о значимых событиях в жизни, деятельности и характеристиках просят указать соответствующую информацию о времени. Помимо этого сбор данных может сосредотачиваться на определенных группах возрастных когорт, которые тем или иным способом включены в исторический процесс общественных изменений (Brückner 1990: 374-403). Преимуществом таких или аналогичных ретроспективных опросов является то, что нужно проводить только один сбор данных. Однако недостаток этого метода в том, что уже при «жестких» данных появляются более или менее грубые ошибки памяти. Часто интересующие исследователя события и ситуации имели место далеко в прошлом. Поэтому, а также в зависимости от типа ситуаций или характеристик, о которых задается вопрос, они могут быть извлечены из памяти с разной степенью точности (Fischer-Kerli 2000: 294-312). Кроме того, при ретроспективном сборе данных усиливается отрицательное воздействие того факта, что приходится отказываться от сбора «мягкой» информации. Поэтому информация о процессах принятия решений и мотивационных структурах в прошлом в ретроспективных исследованиях жизненных путей чаще всего полностью отсутствует. Но если целью является моделирование жизненного пути как структурно обусловленного, но реализуемого на индивидуальном уровне *процесса принятия решений*, подобная информация имеет большое значение.

Тем не менее, при изучении жизненных путей ретроспективные исследования стали стандартной техникой сбора данных. Большие социальные обследования, такие, как проводимый каждые два года ALLBUS, уже немис-

лимы без подробных вопросов о значимых событиях в прошлом. Это, несомненно, заслуга исследований жизненных путей и свидетельство их успеха в социальном эмпирическом анализе.

Вторым важным источником данных для анализа жизненных путей служат все более продолжительные панельные опросы, дополняемые ретроспективными данными. Чтобы панельные исследования вообще представляли интерес для анализа жизненных путей, они должны, во-первых, отражать длинный отрезок жизни человека. Как правило, это требует последовательного проведения большого числа панельных волн, что связано с большими финансовыми затратами. Кроме того, панельные исследования сталкиваются с рядом методологических проблем, которые не возникают при однократном сборе данных (Blossfeld, Rohwer 2001: глава 1). Сюда относятся, прежде всего, смертность информантов в панельном исследовании, влияние периодически повторяющегося опроса на исследуемый процесс и эффект привыкания у опрашиваемых. Панельные исследования также выдвигают высокие требования к оформлению исследования и к обслуживанию поля.

Тем не менее, они обладают целым рядом явных преимуществ. По причине того, что сбор данных по времени близок к значимым жизненным событиям, можно ожидать большей надежности «жесткой» информации, касающейся времени и состояний. Однако гораздо важнее то, что только в рамках панельных обследований можно получить надежную, соотнесенную со временем информацию по так называемым «мягким» факторам психосоциальных диспозиций. Поэтому если эти факторы хотят включить в модель жизненного пути, у панельного опроса нет альтернативы (Blossfeld, Prein 1998).

Анализ жизненных путей явно превосходит анализ данных, полученных исключительно путем одномоментного срезового исследования. С помощью этих данных можно описать только состояния и характеристики людей в один-единственный момент времени. Строго говоря, основанный на таких данных корреляционный анализ может относиться только к этому моменту времени. Эмпирический материал не может сам по себе указать на причинные взаимосвязи, т.к. они определяются только временной последовательностью причин и следствий. Поэтому данные панельных исследований обозначают определенный прогресс в моделировании каузальных моделей, поскольку они предоставляют информацию об одном и том же индивиде в различные моменты времени, следующие друг за другом через определенные промежутки (Blossfeld, Rohwer 2001). Но только данные исследования жизненного пути обеспечивают оптимальные предпосылки изучения каузальных моделей, т. к. они содержат непрерывную временную последовательность состояний и свойств для различных жизненных сфер. Так, можно исследовать, влияет ли одно событие на вероятность наступления другого события в более поздний момент времени или нет. Правда, следует также сказать, что данные исследования жизненного пути не в каждом случае гарантируют эмпирически подтвержденную ясность относительно причинных взаимосвязей. При этом важная проблема заключается в том, что учтенные хронологические процессы не в полной мере отражают фактические процессы принятия решений и действия.

3.2. Методические трудности исследования жизненных путей

Обработка собранных стандартизированными методами данных о времени и характере событий в разных жизненных сферах людей осуществляется соответствующими методами анализа данных. Для этого были разработаны сложные статистические техники, вплотную приближающиеся к требованиям хронологического каузального моделирования (Tuma, Hannan 1984; Blossfeld, Hamerle, Mayer 1989; Yamaguchi 1991; Courgeau, Lelievre 1992; Lillard 1993: 189-217; Blossfeld, Rohwer 2001). Ключевой концепцией для «зависимой переменной» в статистических моделях является так называемый показатель перехода от одного состояния j в другое состояние k : $r_{jk}(t)$. Этот показатель перехода позволяет производить локальные, т. е. соотнесенные с моментом времени описания хода процессов или интенсивности «событийного потока». Показатель можно интерпретировать как соотнесенную с моментом времени расположенность индивида в определенный момент своей биографии t перейти от исходного состояния j (например, из состояния «безработный») к желаемому состоянию k (например, в состояние «работающий»). При этом показатель в каждый момент времени t всегда относится к так называемой группе риска, т. е. к тем людям, которые в момент времени t могут фактически осуществить исследуемый переход (в данном случае от безработицы к занятости).

Показатель перехода $r_{jk}(t)$ практически идеально сочетается с вероятностной каузальной концепцией жизненных путей, т. к. он соотносит *вероятные изменения* состояний на жизненном пути в будущем с прошлыми биографическими наблюдениями. По этой причине показатель перехода является подходящим инструментом для моделирования «временной координаты» жизненного пути (Conveney, Highfield 1990): в каждый момент данного процесса проводится различие между *актуальным настоящим* (t), *уже завершённым прошлым* до момента t и *еще неизвестным будущим*, начиная с момента t . Для моделирования показателя перехода в момент времени t реализованные до этого состояния и события предыстории (в значении самореференции и взаимозависимости жизненных сфер) могут привлекаться как объясняющие факторы для прогнозирования изменения показателя перехода. Поскольку показатель перехода не является детерминистской концепцией, будущее человека в статистических моделях жизненного пути всегда остается в некотором роде «открытым». Ровер называет это контингентностью жизненных путей (Rohwer 1995).

В событийном анализе, наряду с неизменными характеристиками, исследуются прежде всего зависящие от времени переменные, чтобы на их основании моделировать влияние параллельно протекающих процессов на «зависимый» (т. е. подлежащий объяснению) процесс. Речь идет о таких характеристиках, как, например, профессиональный опыт, профессиональная деятельность, количество детей, (брачные) партнеры и т. д. Это переменные, которые могут меняться по ходу жизни и влиять на исследуемую область жизненного пути. При этом зависящие от времени факторы влия-

ния до тех пор не отягощены методологическими проблемами, пока исключена возможность обратного воздействия на «зависимый» процесс (эффект обратной связи) (Tuma, Hannan 1984; Blossfeld, Hamerle Mayer 1989; Yamaguchi 1991) *.

В отличие от этого подхода, применение так называемых *внутренних зависящих от времени переменных* в литературе обычно рассматривается как проблематичное. Внутренняя зависящая от времени переменная Y_t^A описывает стохастический процесс, который хотя и определен в каузальной модели как «объясняющий», но который, в свою очередь, подвергается или может подвергаться влиянию объясняемого Y_t^B . Это означает, что существуют автономные воздействия, посредством которых процессы влияют друг на друга (Y_t^A влияет на Y_t^B и Y_t^B влияет на Y_t^A), а за счет эффекта обратной связи эти процессы опосредованно — через какой-либо другой процесс — влияют и на свой собственный дальнейший ход (Y_t^A влияет на Y_t^A через Y_t^B и Y_t^B влияет на Y_t^B через Y_t^A). Другими словами, это взаимозависимые процессы. Такая ситуация типична для процессов в разных областях жизни людей и для взаимодействия между некоторыми немногочисленными единицами наблюдения. Так, можно предположить, что профессиональная карьера индивида влияет на его брачное поведение. И наоборот: профессиональная карьера индивида зависит от решения вступить в брак (Blossfeld, Rohwer 2001).

Возможность моделировать такие комплексные динамические зависимости между разными сферами жизни или представляющими их процессами ставит перед статистическим анализом важный вопрос: каким надежным способом следует разграничивать влияния взаимосвязанных процессов? Как нужно определять силу их взаимного влияния?

3.2.1. Два подхода к решению методологических проблем анализа взаимозависимых процессов

Эта проблема разрабатывается в литературе по-разному. Здесь мы кратко представим два подхода: каузально-динамический подход Блоссфельда и Ровера и модели параллельных уравнений Лилларда. И хотя последующие рассуждения, возможно, покажутся слишком техническими, они имеют большое значение для понимания современных исследований жизненных путей.

* Это, с одной стороны, так называемые *закрепленные зависящие от времени переменные*, временные траектории которых (или функциональные формы изменений во времени) равным образом заранее установлены для всех исследуемых единиц. С другой стороны, сюда относятся так называемые *внешние зависящие от времени переменные*, чьи временные траектории являются результатом стохастических процессов, на которые исследуемый процесс может оказывать лишь незначительное влияние или не оказывать влияния совсем. Примерами таких переменных могут служить практически все характеристики, отражающие изменения на макроуровне общества (например, показатели безработицы, структуры занятости, исторические события).

3.2.1.1. Каузально-динамический подход Блоссфельда и Ровера

Каузально-динамический подход исходит из того, что изменения в одном из процессов жизненного пути зависят как от истории самого этого процесса, так и от других, параллельно протекающих процессов. Соответственно, предшествующий ход и нынешнее состояние всех учитываемых процессов рассматривается как предпосылка всех будущих изменений. Далее мы хотели бы кратко объяснить, какие отсюда следуют ответы на сформулированные ранее вопросы (ср. Blossfeld, Rohwer 2001).

Причины и зависящие от времени переменные. Связь между каузальными рассуждениями и статистическим моделированием прекрасно разъяснил Холланд в своей статье, имевшей большое влияние в научных кругах (Holland 1986: 945-960). Он указал на то, что любое каузальное высказывание содержит контрафактическое рассуждение. Это означает, что если бы причина была другой, то получился бы другой результат -- по крайней мере, с известной вероятностью. Таким образом, каузальный эффект есть разница результатов, вытекающая из разницы условий. А основная проблема проверки каузальных высказываний заключается в том, что в эмпирических исследованиях в одной и той же единице наблюдения невозможно одновременно наблюдать также и те результаты, которые бы последовали, если бы условия были другими. Холланд (Holland 1986: 945-960) назвал это «фундаментальной проблемой каузального заключения».

Чтобы добиться эмпирической проверки предположений о причинных взаимосвязях, Блоссфельд и Ровер предлагают сосредоточиться прежде всего на тех условиях единиц наблюдения, которые со временем действительно изменяются. Поэтому переменные, используемые как неизменные во времени, как, например, «пол», в эмпирическом анализе жизненных путей должны как можно дольше замещаться событиями, которые ведут к характерным для разных полов отличиям в историях жизни мужчин и женщин. Правда, в эмпирических исследованиях это не всегда возможно, и, как правило, исследователи вынуждены использовать неизменные во времени переменные. Тем не менее, важно осознавать, что в этом случае причинные связи практически невозможно проверить. Если мы, например, наблюдаем эмпирическую связь между уровнем образования и профессиональными шансами, мы часто исходим из того, что изменение профессиональных шансов есть результат изменения уровня образования. Таким образом, мы допускаем, что шансы человека на профессиональный рост в будущем возрастут, если он достиг более высокого уровня образования. Но если мы моделируем уровень образования как признак, не изменяющийся во времени, этот эффект нельзя будет доказать эмпирически.

Поскольку собственно смысл каузальных высказываний заключается в их (контрафактических) последствиях для долгосрочных изменений (ср. Lieberman 1985), эмпирические доказательства должны изыскиваться -- насколько это возможно -- с помощью изменяющихся во времени переменных. На основе этих рассуждений алгоритм эмпирической проверки каузального анализа следовало бы сформулировать так: фиксированное во времени

изменение в процессе Y_t^A приводит к одному или нескольким фиксированным позднее изменениям в процессе Y_t^{B*} .

$$\Delta Y_t^A \longrightarrow \Delta Y_t^B \quad t < t'$$

Время и каузальные воздействия. Два аспекта имеют при этом особое значение. *Во-первых*, должна присутствовать временная последовательность причины и следствия. Событие-причина должно по времени предшествовать событию-следствию: $t < t'$. На сегодняшний день это, по-видимому, общепринятая точка зрения (Eells 1991: глава 5). Отсюда следует, что всегда должен быть временной интервал между изменением переменной, представляющей собой причину, и изменением переменной, представляющей следствие (Kelly, McGrath 1988). Причина (изменение независимого процесса) и ее следствие (изменение зависимого процесса) не могут происходить в один и тот же момент времени, должна быть временная задержка (временной лаг («lag»), запаздывание («delay»)) между событием-причиной и развертыванием результата. Временной интервал между наступлением причины и началом ее действия может быть и очень коротким и длинным. Поэтому в эмпирическом исследовании жизненных путей одна из важных задач анализа взаимозависимых процессов заключается в том, чтобы учесть временную структуру исследуемых причинно-следственных связей. Она пока недостаточно учитывалась во многих исследованиях жизненных путей, что, однако, часто невозможно по практическим причинам. Зачастую исследователь располагает лишь хронологически неточными наблюдениями, за счет чего складывается впечатление, что причины и их последствия проявляются одновременно. В действительности же речь здесь идет о результате неточных измерений времени. Иногда должно пройти очень много времени, прежде чем результаты вообще станут заметны, и тогда между событиями-причинами и событиями-результатами возникает значительное временное запаздывание или временной «лаг», которые должны быть теоретически специфицированы в ходе каузального анализа.

Во-вторых, это ведет к вопросу о том, как в течение времени разворачивается каузальный эффект. И если проблема «лага» или «запаздывания» уже часто обсуждалась в социально-научной литературе, временной структуре результатов очень редко уделялось достаточно внимания (Kelly, McGrath 1988). Блоссфельд и Ровер (Blossfeld, Rohwer 2001) описывают гипотетические формы, в которых следствия могут разворачиваться во времени. Так,

* Это не значит, что изменение в Y_t^A — единственная причина, которая может повлиять на Y_t^B . Поэтому лучше говорить о каузальных условиях, чтобы подчеркнуть, что чаще всего существует комплексная констелляция причин. Также следует обратить внимание на то, что результаты изменения одной переменной могут быть установлены только в контексте других (возможных) причин. В соответствии с этим можно говорить о «сослагательной множественности причин», когда для того, чтобы вызвать результат, должно одновременно присутствовать несколько различных факторов. «Разделительная множественность причин», напротив, имеет место тогда, когда любая из потенциальных причин вызывает собственные, не зависящие от других причин результаты (Holland 1986: 945-960).

например, следствие может наступить почти мгновенно или с некоторым опозданием и затем оставаться неизменным в течение времени. Это типичное представление о причинно-следственной связи, принимаемое на сегодняшний день большинством теоретиков социальных наук. Но результат может также сначала складываться медленно или, наоборот, стремительно, достичь высшей точки и затем снова пойти на спад или меняться циклически, то нарастая, то уменьшаясь. Другими словами, изменению результата во времени в социальных науках до сих пор уделялось слишком мало внимания не только с эмпирической, но прежде всего с теоретической точки зрения. Таким образом, для адекватного понимания каузальных связей между процессами необходимо учитывать, что каузальный эффект может изменяться во времени. Поэтому в исследовании жизненных путей нельзя допускать общепринятых причинно-следственных связей, но следует принимать во внимание, что каузальные механизмы (например, социальные нормы, социальные структуры, констелляция ситуативных условий) сами могут изменяться с развитием социальных процессов.

Принцип кондициональной независимости. Предшествующие рассуждения о временной структуре каузальных связей обеспечивают, по Блоссфельду и Роверу, в принципе относительно простой подход к каузальному анализу взаимозависимых процессов в биографии. Если исходить из двух взаимосвязанных параллельных процессов Y_t^A и Y_t^B , то тенденция изменения процесса Y_t^A в момент времени t' может зависеть только от хода обоих процессов вплоть до данного момента времени. Иначе говоря, то, что происходит с Y_t^A в момент времени t' , кондиционально не зависит от того, что в тот же момент времени t' происходит с Y_t^A , при условии, что ход общего процесса $Y_t = (Y_t^A, Y_t^B)$ до момента времени t' учтен в модели. Мы называем эту ситуацию принципом кондициональной независимости для параллельно протекающих взаимозависимых процессов (Pötter 1993: 787–779). При этом не важно, какой из частных процессов рассматривать как зависимый, а какой — как независимый. Поэтому эти рассуждения можно перенести и на процесс Y_t^B , приняв его за «зависимую переменную».

Принцип кондициональной независимости -- это направляющая идея, а не концепция, которую можно было бы однозначно доказать или опровергнуть с помощью эмпирического наблюдения. Кондициональная независимость зависит в первую очередь от количества процессов, одновременно исследуемых в конкретном анализе. Если в модель добавить или убрать один процесс, то, как правило, это не останется без последствий. Конечно, включение нового процесса в модель или исключение уже имеющегося процесса из исключения регулярно происходит на основе нерелевантного теоретического знания. Однако в социологии это знание, как представляется, редко бывает настолько специфическим, чтобы можно было с точностью указать, какие процессы относятся к той или иной модели, а какие нет (Pötter, Blossfeld 2001: 21-32). По этой причине в случае эмпирического использования модели в социальных науках следует исходить из того, что не бывает «правильных моделей», а что, скорее, возможно проведение нескольких валидных каузальных анализов на базе различных стохастических моделей (ср. Giere 1999).

Если в исследовании жизненных путей применяются методы событийного анализа, то на основе принципа кондициональной независимости можно для каждого процесса в отдельности оценить взаимное влияние независимых (качественных или метрических) процессов с помощью относительно простого метода разделения на эпизоды (Blossfeld, Rohwer 2001). Правда, при этом важно включать в модель для каждого отдельного процесса общую предысторию всех рассматриваемых процессов.

Пример: Данный подход уже применялся в нескольких эмпирических исследованиях. Рассмотрим в качестве примера частичный анализ связи между рождением ребенка и бракосочетанием. В центре внимания при этом оказывается воздействие события «беременность» на показатель перехода к браку (Blossfeld, Klijzing, Pohl, Rohwer 1999: 229-242; Mills, Torvato 2000: 1-16; Blossfeld, Mills). Выяснилось, что у пар, проживающих совместно вне брака, воздействие наступления беременности на расположенность к вступлению в брак сильно зависит от времени: желание вступить в брак до беременности у таких пар было очень небольшим, оно стремительно возрастало на втором месяце беременности, чтобы снова снизиться уже незадолго до момента рождения ребенка и, наконец, стабилизироваться на относительно низком уровне после рождения.

Как можно объяснить эту временную форму брачного эффекта? Каковы механизмы, порождающие его? Можно рассматривать наступление беременности как начало (по крайней мере, после третьего месяца) необратимого долгосрочного «проекта» пары. Долгосрочный «успех» этого совместного проекта под названием «ребенок» в принципе оказывается под угрозой, если индивиды из-за неполной информации лишь очень неточно могут предсказать свое будущее и будущее своего партнера *. В этой ситуации рациональной стратегией обоих партнеров является ориентация своего будущего поведения на совместный долгосрочный проект посредством взятия на себя достаточно больших обязательств (Elster 1979). Бракосочетание может интерпретироваться как часть подобной стратегии самообязательств. Ведь брак, по сравнению с внебрачным сожительством, по-прежнему отличается гораздо большей фактической стабильностью, а его расторжение связано с большими затратами, чем разрыв псевдобрачного союза. Кроме того, с точки зрения родительства брак как институционально регулируемая общность риска для многих по-прежнему важен в значении «подстраховки». Наконец, в зависимости от социального контекста могут еще добавиться социально-нормативные мотивы. Однако данная интерпретация не подразумевает, что в случае беременности пары сразу же вступают в законный брак. Поэтому в эмпирических исследованиях проводилось различие между двумя ситуациями в момент, когда пары узнавали о беременности (Hogan 1978: 573-586) Намерение партнеров заключить брак на момент наступления беременности скорее невыраженное или расплыв-

* Хьюинк говорит о проблеме перспективы, которую необходимо решить, прежде чем брать на себя долгосрочные обязательства, какие связаны, в частности, с рождением ребенка (Huining 1995).

чатое (Müller 1978); пара уже до этого приняла решение жениться или не жениться в случае предстоящего родительства.

В первом случае можно ожидать, что наступление «беременности» запустит процесс формирования предпочтений и образования убеждений. Формирование в данном случае означает, что поначалу смутные намерения вступить в брак обретают форму в рамках поэтапного планирования, и в результате развиваются однозначные предпочтения за или против брака. Образование убеждений означает, что индивид, пройдя несколько этапов аргументации, приходит к тому, что сознательно отдает предпочтение браку, даже если сначала он предпочитал статус внебрачного партнера, -- или наоборот. Такой процесс может завершиться решением, противоположным первоначальному предпочтению и убеждению. В подобных случаях констатация беременности влечет за собой изменение предпочтений. С одной стороны, с увеличением срока беременности уменьшается возможность узаконить рождение ребенка с помощью бракосочетания. Кроме того, беременность становится все более заметной для социального окружения. В этом отношении оптимальное время для свадьбы -- относительно ранняя стадия беременности. С другой стороны, партнеры должны обдумать и обговорить данное решение. Для этого необходимо время, так что оптимальный момент попадает скорее на относительно позднюю стадию беременности. Ввиду противоречивых требований в отношении этой группы пар можно ожидать, что показатель вступления в брак после установления факта беременности проходит немонотонное развитие: сначала он, вероятно, повысится, чтобы затем, достигнув высшей точки приблизительно в середине срока беременности, снова упасть.

С другой стороны, есть пары, которые еще до наступления беременности приняли решение, поженятся они в случае этого события или нет. Таким образом, эти пары в момент наступления беременности не однородны уже по своей расположенности жениться (или, используя понятие событийного анализа, по своему базисному показателю). Пары первой группы, «убежденные противника брака», будут иметь неизменно низкий показатель бракосочетаний, а пары второй группы, «решительные сторонники брака», будут иметь монотонно возрастающий показатель бракосочетаний, потому что с увеличением срока беременности возрастает давление по срокам свадьбы. Если в эмпирическом исследовании невозможно различить эти две группы пар в связи с тем, что не была собрана информация о брачных намерениях, то эта так называемая неучтенная гетерогенность среди пар приведет к нормальному распределению показателей бракосочетаний во время беременности на уровне всех пар (Blossfeld, Rohwer 2001) *.

* * По ходу беременности процентное соотношение противников брака (с очень низким показателем) и сторонников брака (с быстро растущим показателем) постоянно меняется. Сначала растущая расположенность к браку среди его сторонников приводит к увеличению данного показателя. Но поскольку сторонники брака быстрее покидают статус холостяков и незамужних, чем его противники, в группе внебрачных пар именно противники брака с определенного момента получают перевес, а исследуемый показатель снова снижается. Другими словами, хотя на индивидуальном уровне в обеих группах действительно наблюдается постоянный или растущий показатель брака, в наших статистических моделях мы видим «фиктивное» нормальное распределение.

Для времени после рождения ребенка можно ожидать скорее низкой расположенности к браку, т. к. тогда еще не сочетавшиеся браком родители представляют собой очень выборочную группу, которая приняла решение скорее против узаконения ребенка. Кроме того, решение вступить в брак после рождения ребенка носит другой характер. Изначальное временное давление, оказываемое рождением ребенка на решение о браке, отпадает.

Если неизвестно -- как это фактически было в данных эмпирических исследованиях, -- приняла ли пара твердое решение пожениться еще до наступления беременности или нет, то невозможно решить, как следует интерпретировать наблюдаемые эффекты: 1) как эмпирическое доказательство образования предпочтений на уровне пар во время беременности, или 2) как методический артефакт, показывающий, что мы действительно недостаточно учли характерную для популяции гетерогенность. В эмпирической реальности, по-видимому, обе интерпретации будут отчасти верны. В этом отношении дополняющие биографические исследования, концентрирующиеся на таких специальных биографических ситуациях и предоставляющие нам качественную информацию об изменении процессов принятия решений, вероятно, являются значительным прогрессом для исследования жизненных путей.

3.2.1.2. Модель параллельных уравнений Лилларда

Разработанный Лиллардом и его коллегами подход параллельных уравнений для вероятности событий и показателей перехода исходит из того, что не всегда возможна неискаженная оценка воздействия взаимозависимых процессов жизненного пути друг на друга, если она проводится для каждого процесса в отдельности. Предполагается, что в статистической модели часто отсутствуют релевантные факторы, влияющие на ход сразу нескольких отдельных процессов. Достаточно вспомнить, скажем, неизвестный жизненный опыт или жизненные планы, которые оказывали систематическое и взаимно согласованное влияние на будущий жизненный путь в разных сферах. В этом случае связь между двумя измерениями жизненного пути вызвана «третьей переменной», т. е. этим преформирующим фактором. При этом каузальной связи между отдельными процессами может и не быть. Поэтому такие невидимые эффекты должны статистически «контролироваться» в относительно комплексной параллельной оценке для процессуальных уравнений. Тогда при наблюдении прямого взаимного влияния событий или состояний во взаимозависимых процессах будут получены результаты, которые можно интерпретировать в значении причинно-следственной связи (Lillard 1993: 189-217; Brien, Lillard, Waite 1999: 535-551).

С помощью своей техники Лиллард и его коллеги смогли выявить спорные результаты, приводящие к заблуждениям в анализе взаимозависимых событий жизненного пути. Известным примером этого является анализ влияния факта внебрачного сожителства до бракосочетания на вероятность

решения вступить в законный брак (Lillard, Brien, Waite 1995: 437-457; Brüderl, Diekmann, Engelhardt 1997: 205-222). Теоретически логично предположить, что браки пар, проживавших совместно до свадьбы, стабильнее браков партнеров, совместная жизнь которых начинается в день свадьбы или после него. Аргументация этого тезиса состоит в том, что совместная жизнь до брака -- это хорошая возможность для партнеров собрать исчерпывающую информацию друг о друге. На основе этого опыта они лучше могут оценить, хотят и в состоянии ли они вступить с нынешним партнером в долгосрочные отношения. Если они считают, что да, они захотят институционально скрепить свои отношения брачными узами. Но в ходе эмпирического анализа этого тезиса Лиллард, Брейн и Уэйт сначала получили данные, поразившие их: браки, которым предшествовало внебрачное сожительство, относительно часто оканчиваются разводом. Значит ли это, что теоретические рассуждения были неверными? При ответе на этот вопрос следует соблюдать методологическую осторожность. Так, многое говорит в пользу предположения, что решение вести совместную жизнь до брака и готовность к разводу могут иметь одни и те же причины, не учтенные в модели. В этом случае мы наблюдали бы так называемый феномен самоотбора, т. е. без предшествующего сожительства брачный союз, возможно, заключают такие пары, которые менее склонны к разводу, чем представители другой группы. Причина этого, возможно, заключается в том, что первая группа в большей мере следует традиционному представлению о совместной жизни партнеров. Но эти ориентации фактически могли остаться неучтенными из-за отсутствия данных в модели, которая привела исследователей к неожиданному результату. В исследованиях жизненных путей в общем, как правило, отсутствует информация об индивидуальных ориентациях, которую можно было бы использовать в моделях. Подход Лилларда позволяет учитывать релевантность таких не выявленных факторов в модели параллельных уравнений, определяющей вероятность решения в пользу добрачного сожительства и показатель перехода к последующему решению пожениться.

Лиллард и его соавторы пришли к следующему результату: после того, как воздействия ненаблюдаемых факторов были исключены из статистической модели, оказалось, что добрачное сожительство, по-видимому, способствует не разводу, а стабильному браку. Эти новые данные сопоставимы с теоретически обоснованным ожиданием. Правда, они не являются доказательством содержательного тезиса о том, что именно традиционные установки играют здесь решающую роль *. Дело в том, что одновременная оценка при контроле так называемой ненаблюдаемой гетерогенности, к сожалению, не может показать, о каких ненаблюдаемых факторах в действительности идет речь -- она в состоянии лишь указать на возможную релевантность таких факторов. В итоге в эмпири-

* Успешной оказалась попытка Брюдерля, Дикмана и Энгельхардта (Brüderl, Diekmann, Engelhardt 1997: 205-222) устранить искажения в оценке влияния добрачного сожительства за счет эксплицитного включения дополнительных переменных в модель показателей разводов.

ческом исследовании продолжают блуждания в темноте, и по-прежнему неизвестно, каким образом эффекты, включенные в модель, содержательно связаны с ненаблюдаемыми факторами. И здесь биографические исследования опять-таки могли бы дать важные эмпирические данные и новые возможности анализа, позволяющие выявить смысловую взаимосвязь с точки зрения задействованных в исследуемых процессах индивидов.

4. Исследования жизненных путей: некоторые области исследования

По результатам количественных исследований жизненных путей написано огромное количество статей и работ, которые мы не можем здесь рассмотреть более подробно. Во всех сферах изучения общественных изменений исследования жизненных путей внесли значительный вклад, обращаясь к самым разным областям жизни. Наиболее важные из них образование, трудовая деятельность и рынок труда, партнерство, супружество и развитие семьи, поздние фазы жизни и возраст.

Исследования: В Германии обширная программа исследования жизненных путей впервые была сформулирована и реализована на практике в рамках проекта «Жизненные пути и развитие благосостояния» особого исследовательского отдела № 3 Немецкого исследовательского общества (DFG) «Микроаналитические основы в социальной политике» во Франкфурте-на-Майне и в Мангейме. Затем последовали многочисленные ретроспективные исследования жизненных путей в бывших ФРГ и ГДР, проведенные Институтом образовательных исследований им. Макса Планка в Берлине (Mayer 1990: 7-21; Huinink, Mayer 1995; Brückner, Mayer 1998: 152-181). «Социоэкономическая панель», первоначально также реализуемая в рамках особого исследовательского отдела DFG № 3, а на сегодняшний день обосновавшаяся в Немецком институте экономических исследований в Берлине, также утвердилась и широко использовалась в качестве еще одной важной эмпирической основы анализа жизненных путей (Wagner, Schupp, Rendtel 1994: 70-112). Далее следует указать на проведенное в Кельне исследование гимназистов, результатом которого стал всеобъемлющий анализ перехода во взрослый возраст (Meulemann 1995). Можно также сказать о данных исследований семьи (Немецкий институт молодежи в Мюнхене) (Bien 1996) и исследования возраста (Kohli, Künemund 2000), которые также в значительной степени направлены на анализ жизненных путей. Очень важную роль для дальнейшего развития исследований жизненных путей в Германии сыграл также особый исследовательский отдел DFG № 186 «Статусные пассажи и рискованные ситуации жизненного пути» (университет г. Бремена) (Heinz 1991a; Heinz 1991b; Weymann, Heinz 1996). Необходимо еще раз подчеркнуть, что идеи исследований жизненных путей, а также данные о жизненных путях, собранные в других многочисленных исследованиях, имели большой резонанс, как это видно на примере ALLBUS и SHELL.

На международном уровне следует назвать такие широкомасштабные панельные исследования, как Панельное исследование динамики доходов (PSID) (Мичиган) (Elder 1995), Национальное лонгитюдное исследование (NLS) и Национальное лонгитюдное исследование молодежи (NSLY), которые до сегодняшнего дня значительно способствовали развитию исследований жизненных путей. Наконец, стоит упомянуть также проведенное фондом ООН (Женева) Обследование рождаемости и семьи (FFS), в котором стандартизированным способом были собраны данные о жизненных путях в 24-х странах (Klijzing, Cairns 2000; Corijn, Klijzing 2001; Klijzing, Corijn 2001). Благодаря лонгитюдным исследованиям в разных странах сильный импульс к развитию получили в первую очередь международные сравнительные исследования жизненных путей (ср.: Mayer 1997: 203-226; Shavit, Blossfeld 1993; Blossfeld 1995; Blossfeld, Hakim 1997; Blossfeld, Drobic 2001; Blossfeld, Timm)*.

Наконец, что касается *междисциплинарного сотрудничества*, здесь образцом служит берлинское возрастное обследование (Mayer, Baltes 1996). Здесь в рамках многолетней исследовательской программы было проведено междисциплинарное исследование пожилого возраста и старения в его многообразных физических, психических, социально-экономических и социально-политических аспектах.

Исследовательское поле. После того, как перспектива жизненных путей была включена в исследовательский ландшафт, она нашла многообразное применение и на сегодняшний день стала существенным элементом динамически ориентированного социального исследования во многих исследовательских областях (Mayer, Tuma 1990).

В области *исследования неравенства и рынка труда* перспектива жизненного пути вытеснила традиционные исследования межпоколенческой мобильности. Исследователям удалось доказать, что схожие макроструктурные тенденции в разных обществах совершенно по-разному воздействуют на неравенство и процесс профессиональной карьеры. Они вза-

* Новым исследовательским начинанием в *транснациональной перспективе* является проект GLOBALIFE Университета г. Билефельда (Blossfeld 2000: 239-263). Он посвящен вопросу о том, каким образом специфический контекст каждой отдельной страны фильтрует процесс глобализации и как этот процесс влияет на образовательную, профессиональную карьеру и семейную жизнь индивидов в разных странах. Ключевой тезис проекта гласит, что процесс глобализации сталкивается с очень разными исторически сложившимися системами институтов и относительно неподвижными структурами неравенства в национальных государствах, порождает в них те или иные различные комбинации общественных проблем, которые, в свою очередь, затем приводят к разным стратегиям институционального управления, направленным на то, чтобы справиться с глобализацией. При этом особый интерес для проекта представляет то, какие из исторически сложившихся национальных «решений жизненных путей» утверждаются в этом мировом процессе снятия границ, какие новые «модели жизненных путей» распространяются во всем мире и какие последствия все это имеет для социального неравенства в современных обществах. При этом в своем эмпирическом анализе проект GLOBALIFE сочетает эволюционный социально-структурный подход с динамическим подходом рационального выбора (Blossfeld, Klijzing (Manuskript)).

имодействуют прежде всего с организационными и институциональными структурами, вторичными, профессиональными и внутренними рынками труда (Becker 1991; Carroll, Mayer 1986: 323-341; Blossfeld, Mayer 1988: 123-140), разными структурами общеобразовательных и профессиональных организаций (Blossfeld 1990: 165-177; Blossfeld, Stockmann 1998-1999; Shavit, Müller 1998; Konietzka 1999) и разными режимами государства всеобщего благосостояния (Hillmert 2001).

Благодаря исследованиям жизненных путей удалось зафиксировать и объяснить влияния структурных изменений в *образовательных и профессиональных карьерах мужчин и женщин* в последние десятилетия (Blossfeld 1986: 208-225; Huinink, Mayer 1995; Sackmann, Weymann, Wiggins 2001; Blossfeld, Hakim 1997). Полученные результаты в первую очередь показали, что хотя среди женщин в младших когортах по сравнению со старшими доля людей с профессиональным и законченным высшим образованием выросла во всех современных странах больше, чем среди мужчин (Shavit, Blossfeld 1996: 233-253), вместе с тем обусловленные половой принадлежностью различия в типе образования по-прежнему сохраняются (Blossfeld 1987: 89-118). Растущая половая сегрегация и трудовая занятость замужних женщин во многих северноевропейских странах были очень тесно связаны с распространением частичной занятости, и во многих странах она характеризуется высокой нестабильностью, низкой социальной защищенностью или ее отсутствием и сравнительно низкой заработной платой (Blossfeld, Hakim 1997).

Относительно редко практикуемый одновременный анализ *профессиональных карьер обоих партнеров в период их отношений* показывает, что трудовая занятость и профессиональный статус женщин не имеет значимого влияния на трудовой путь мужчин (супругов) (Bernasco 1994; Blossfeld, Drobnic 2001). Несмотря на то, что в семье работают оба супруга, большинство мужчин часто считают себя «(основным) кормильцем в семье» и тогда, когда эта функция ввиду похожего или даже более высокого профессионального статуса партнерши (супруги) объективно не соответствует действительности. Влияние профессионального статуса мужчин на профессиональную карьеру их партнерш зависит от условий национального контекста, в особенности от типа государства всеобщего благосостояния (Blossfeld, Drobnic 2001). В консервативных государствах всеобщего благосостояния (например, в Германии) и в средиземноморских странах (например, в Италии) с повышением профессиональной позиции мужчин (супругов) систематически усиливается давление на партнершу, принуждающее ее сократить свою трудовую деятельность ради семьи или вообще отказаться от профессиональной карьеры (Krüger 1993). В либеральных государствах всеобщего благосостояния, как, например, Великобритания, в результате исследования, напротив, не было установлено какого-либо значимого влияния профессионального статуса мужчин на трудовую деятельность их жен. В странах социально-демократического типа, например, в Дании, и в целом в бывших социалистических государствах, напротив, существует сильное положительное влияние профессионального статуса

мужчин (супругов) на профессиональную деятельность женщин (жен): там мужчины поощряют трудовую деятельность и карьеру своих жен, и нередко в таких семьях с двумя работающими профессиональный статус и доход аккумулируются.

В другой области социального неравенства, длительное время остававшейся без внимания социологов, исследования жизненных путей также способствовали прогрессу. Речь идет об исследовании *приобретения дома как этапа жизненного пути* (Kurz 2000: 28-44; Wagner, Mulder 2000: 45-60). Здесь можно видеть, что очень большую роль в приобретении дома играют межпоколенческие трансферты. Также неожиданным результатом стало то, что в Германии семьи из рабочего класса примерно с равной вероятностью проживают в собственных домах, что и представители среднего класса (Kurz 2000: 28-44).

В исследованиях *перехода во взрослый возраст и изменений структур семьи и домашнего хозяйства* концепция жизненных путей стала доминирующим исследовательским подходом (Blossfeld 1995; Buchmann 1989; Diekmann, Weick 1993; Huinink 1995; Hullen 1998; Manting 1994; Meulemann 1995; Vaskovics, Rost, Hoffmann 2001). При этом удалось доказать тесную взаимосвязь между изменениями в системе семьи и развитием в системе образования и занятости у мужчин и женщин в большинстве современных обществ. Только модели анализа жизненных путей предоставили инструментарий, который позволил показать, что эффект продленного участия в системе образования имел большое влияние на уменьшение частоты бракосочетаний и рождаемости и что увеличение образовательной фазы было более решающим, чем само повышение уровня образования (Blossfeld, Huinink 1991: 143-168; Diekmann, Weick 1993). Не в последнюю очередь по этой причине начиная с 1960-х гг. в большинстве западных стран непрерывно увеличивался возраст индивидов на момент создания семьи. Значение совместимости профессии и семьи для жизненного пути женщины было дифференцированно изучено и доказано (Lauterbach 1994; Mayer, Allmendinger, Huinink 1991; Trappe 1995). Таким образом, становится ясно, почему в странах с всесторонним регулированием совместимости профессиональной и семейной жизни наблюдается самая высокая трудовая занятость женщин и самые высокие показатели рождаемости (Andersson 2000: 293-333; Ноем 2000). На протяжении жизненного пути человека все чаще происходит смена форм семьи и типов домашнего хозяйства. Все большее распространение получают роли матери- или отца-одиночки или формы внебрачного сожительства (Manting 1994; Liefbroer 1991: 273-298; Mills 2000). Не последнюю роль в этом сыграли растущие показатели разводов (Diekmann, Klein 1991: 271-290; Diekmann, Engelhardt 1995: 215-228; Wagner 1997).

Наконец, в исследованиях *возраста и старения* восприятие подходов и техник исследования жизненных путей также было значительным (Allmendinger 1995: 179-204; Mayer, Baltes 1996; Kohli, Künemund 2000; Kohli, Künemund, Motelund, Szydlik). С помощью данных о жизненных путях можно подробно показать, каким образом сложившиеся в результате предшествующей трудовой и профессиональной биографии расхождения между людьми

продолжают свое воздействие в пожилом возрасте и какие обусловленные половой принадлежностью различия при этом наблюдаются в первую очередь.

5. Выводы, проблемы и перспективы

В последние годы исследование жизненных путей оказывало значительное влияние на развитие социологии в Германии. Был предложен альтернативный подход к старым исследовательским вопросам, поставлены новые вопросы, что побудило социологию встать на инновативные теоретические пути. Наконец, были получены многочисленные интересные и важные эмпирические результаты. Благодаря развитию этой области сегодня успешно работает количественная лонгитюдная методология, позволяющая:

1) описывать и анализировать жизненные пути мужчин и женщин как зависящие от времени, высоко селективные и кумулятивные процессы;

2) проследить формирование следующих друг за другом возрастных когорт под влиянием различных исторических обстоятельств и опыта (эффект когорты и периода);

3) проводить сравнительное изучение влияния на индивидов нескольких параллельных процессов на различных общественных уровнях (например, микро-, мезо- и макроуровень) и точечных исторических событий;

4) исследовать не только характер событий, но и их временные интервалы на жизненном пути;

5) принять более обоснованное решение относительно того, являются ли взаимозависимости в биографиях выражением каузальных процессов на уровне индивидов, следствием диффузионных процессов на уровне популяции или результатом скрытой гетерогенности.

Иногда против каузально-аналитических исследований жизненных путей, как они нами здесь представлены, выдвигаются возражения в связи с тем, что люди действуют сознательно, имея определенные намерения, и поэтому их действия в настоящем представляют собой лишь средства для достижения целей, находящихся в будущем. То есть утверждается, что при интенциональном действии отношение «причина -- следствие» меняется на отношение «средство -- цель»: цели в будущем побуждают актора в настоящем действовать определенным образом (Marini, Singer 1988: 347-409). Однако, на наш взгляд, здесь речь идет лишь о кажущемся противоречии. Ведь необходимо четко отличать намерения, мотивы или планы индивидов в настоящем от их фактической реализации в будущем. Например, не всякий, кто планирует добиться карьерного роста, действительно достигнет его в будущем. Поэтому ожидание относительно будущего положения вещей необходимо отличать от того, что действительно произойдет в будущем. Поэтому тот факт, что социальные акторы действуют осознанно на основании ожиданий, еще не означает инверсии временной последовательности каузальных событий.

С этим связана еще одна, до настоящего времени не решенная проблема каузального анализа жизненных путей, следующая из того факта, что исследования жизненных путей в большинстве своем до сих пор опирались только на «объективные» данные о действиях индивидов и пренебрегали «субъективными» процессами принятия решений. Эту проблему можно проиллюстрировать таким примером. Не состоящая в браке пара могла бы сначала принять решение о женитьбе, а затем решить завести ребенка. Потом женщина могла бы забеременеть, и до рождения желанного ребенка пара могла бы пожениться. В этом случае в рамках количественного анализа жизненных путей мы бы сначала наблюдали событие бракосочетания и на этом основании рассчитали бы вероятность того, что наступление беременности повышает вероятность бракосочетания. В действительности же решение пожениться было принято до наступления беременности, так что между событием беременности и событием бракосочетания нет причинно-следственной связи. Анализ привел бы к неверным выводам. И хотя речь здесь идет о серьезной проблеме, мы хотим еще раз подчеркнуть, что такая ситуация принципиально ничего не меняет в вышеописанных временных вопросах каузального заключения. Существует однозначная временная последовательность решений и способов действия. Тем не менее, в отношении данного эмпирического приложения концепции жизненных путей приходится признать, что учитывая исключительно действия-события и пренебрегая процессами принятия решений, можно прийти к неправильному определению причин.

Поэтому в будущем в исследовании жизненных путей необходимо уделять больше внимания сбору данных и анализу процессов принятия решений. Именно в этом вопросе можно ожидать, что в силу указанной конфигурации проблем может и даже должна сложиться плодотворная комбинация количественного исследования жизненных путей и качественного биографического исследования.

Перевод с немецкого К. Тимофеевой

Литература

- Allmendinger J. Die sozialpolitische Bilanzierung von Lebensläufen // Berger P. A., Sopp P. (Hrsg.) Sozialstruktur und Lebenslauf. Opladen: Leske+Budrich, 1995. S. 179-204.
- Andersson G. The impact of labour-force participation on childbearing behaviour: pro-cyclical fertility in Sweden during the 1980s and the 1990s // European Journal of Population. 2000. No 16. P. 293-333.
- Baltes P. B., Reese H. W., Nesselroade J. R. Life-span developmental psychology: Introduction to research methods. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1988.
- Becker R. Staatsexpansion und Karrierechancen. Berlin (Dissertationsschrift), 1991.
- Bernasco W. Coupled careers: The effects of spouse's resources on success at work. Amsterdam: Thesis Publishers, 1994.
- Bien W. (Hrsg.) Familie an der Schwelle zum neuen Jahrtausend. Opladen: Leske + Budrich, 1996.

Blossfeld H.-P. Bildung, Arbeit und soziale Ungleichheit im Globalisierungsprozess. Einige theoretische Überlegungen zu offenen Forschungsfragen // Kurtz T. (Hg.) Aspekte des Berufs in der Moderne. Opladen: Leske + Budrich, 2000. S. 239-263.

Blossfeld H.-P. Career opportunities in the Federal Republic of Germany: A dynamic approach to the study of life-course, cohort, and period effects // European Sociological Review. 1986. No 2. P. 208-225.

Blossfeld H.-P. Changing educational careers in the Federal Republic of Germany // Sociology of Education. 1990. No 63. P. 165-177.

Blossfeld H.-P. Kohortendifferenzierung und Karriereprozess. Frankfurt a.M. / New York: Campus, 1989.

Blossfeld H.-P. Labor market entry and the sexual segregation of careers in the Federal Republic of Germany // American Journal of Sociology. 1987. No 93. P. 89-118.

Blossfeld H.-P. The new role of women. Family formation in modern societies. Boulder (CO): Westview, 1995.

Blossfeld H.-P., A. Timm (Eds.) (im Erscheinen) Who marries whom? Educational systems as marriage markets in modern societies. Oxford: Oxford University Press

Blossfeld H.-P., Drobnic S. Careers of couples in contemporary society. From male breadwinner to dual-earner families. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Blossfeld H.-P., Hakim C. Between equalization and marginalization. Women working part-time in Europe and the United States of America. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Blossfeld H.-P., Hamerle A., Mayer K. U. Event history analysis. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1989.

Blossfeld H.-P., Hunink J. Human capital investments or norms of role transition? How women's schooling and career affects the process of family formation // American Journal of Sociology. 1991. No 97. P. 143-168.

Blossfeld H.-P., Klijzing E. (im Erscheinen) The transition to adulthood in a globalizing world. A comparison of fourteen countries. Universität Bielefeld (Manuskript).

Blossfeld H.-P., Klijzing E., Pohl D., Rohwer G. Why do cohabiting couples marry? An example of a causal event history approach to interdependent systems // Quality and Quantity. 1999. No 33. P. 229-242.

Blossfeld H.-P., Mayer K. U. Labor market segmentation in the Federal Republic of Germany: An empirical study of segmentation theories from a life course perspective // European Sociological Review. 1988. No 4. P. 123-140.

Blossfeld H.-P., Mills M. (im Erscheinen) A Causal Approach to Interrelated Family Events: A Crossnational Comparison of Cohabitation, Nonmarital Conception, and Marriage // Canadian Journal of Population.

Blossfeld H.-P., Nuthmann R. Strukturelle Veränderungen der Jugendphase zwischen 1925 und 1984 als Kohortenprozess // Zeitschrift für Pädagogik. 1989. No 35. S. 845-867.

Blossfeld H.-P., Prein G. Rational choice theory and large-scale data analysis. Boulder (CO): Westview, 1998.

Blossfeld H.-P., Rohwer G. Techniques of event history modeling. New approaches to causal analysis. 2. überarbeitete Auflage. Mahwah (NJ): Erlbaum, 2001.

Blossfeld H.-P., Stockmann R. (Eds.) Globalization and changes in vocational training systems in developing and advanced industrialized societies. Vol. I-III. Armonk (NY): Sharpe, 1998-1999.

Blossfeld H.-P., Timm (Eds.) (im Erscheinen) Who marries whom? Educational systems as marriage markets in modern societies. Oxford: Oxford University Press.

Brandstädter J. Entwicklung im Lebenslauf: Ansätze und Probleme der Lebensspannen-Entwicklungspsychologie // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1990. No 31. S. 322-350.

Brien M. J., Lillard A. L., Waite L. J. Interrelated family-building behaviors: Cohabitation, marriage, and nonmarital conception // Demography. 1999. No 36. P. 535-551.

Brückner E. Die retrospektive Erhebung von Lebensverläufen // Mayer K. U. (Hrsg.) Lebensverläufe und sozialer Wandel. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. S. 374-403.

Brückner E., Mayer K. U. Collecting life history data. Experiences from the German Life History Study // Giele J. Z., Elder G. H. Jr. (Ed.) Methods of life course research: Qualitative and quantitative approaches. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998. P. 152-181

Brüderl J. Mobilitätsprozesse in Betrieben. Dynamische Modelle und empirische Befunde, Frankfurt a. M. / New York: Campus, 1991.

Brüderl J., Diekmann A., Engelhardt H. Erhöht eine Probeehe das Scheidungsrisiko? Eine empirische Untersuchung mit dem Familiensurvey // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1997. No 49. S. 205-222.

Buchmann, M. The script of life in modern society, Chicago (IL): University of Chicago Press, 1989.

Carroll G., Mayer K. U. Jog-shift patterns in the FRG: The effects of social class, industrial sector, and organizational size // American Sociological Review. 1986. Vol. 51. P. 323-341.

Conveney P., Highfield R. The arrow of time. London: Allen, 1990.

Corijn M., Klijzing E. Transitions to adulthood in Europe. Dordrecht et al.: Kluwer, 2001.

Courgeau D., Lelievre E. Event history analysis in demography. Oxford: Clarendon Press, 1992.

Diekmann A., Engelhardt H. Die soziale Vererbung des Scheidungsrisikos // Zeitschrift für Soziologie. 1995. Jg. 24. S. 215-228.

Diekmann A., Klein Th. Bestimmungsgründe des Ehescheidungsrisikos // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1991. Jg. 43. S. 271-290.

Diekmann A., Weick S. (Hrsg.) Der Familienzyklus als sozialer Prozess. Berlin: Duncker & Humblot, 1993.

Diewald M., Huinink J., Heckhausen J. Lebensverläufe und Persönlichkeitsentwicklung im gesellschaftlichen Umbruch. Kohortenschicksale und Kontrollverhalten in Ostdeutschland nach der Wende // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1996. Jg. 48. S. 219-248

Eells E. Probabilistic causality. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Elder G. H. (Ed.) Life course dynamics. Trajectories and transitions, 1968-1980. Ithaca: Cornell University Press, 1995.

Elder G. H., Caspi A. Persönliche Entwicklung und sozialer Wandel // Mayer K. U. (Hg.) Lebensverläufe und sozialer Wandel (Sonderheft 31 der KZfSS). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. S. 22-57.

- Elster J. Ulysses and the sirens. Cambridge (MA): Cambridge University Press, 1979.
- Erzberger C. Zahlen und Wörter. Die Verbindung quantitativer Daten und Methoden im Forschungsprozess. Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 1998.
- Erzberger C., Prein G. Triangulation: Validity and empirically-based hypothesis construction // *Quality and Quantity*. 1997. Vol. 31. P. 141-154.
- Fischer-Kerli D. Die Zuverlässigkeit retrospektiv erhobener Lebensverlaufsdaten. Analysen zur Partnerschaftsbiografie des Familiensurveys // *Zeitschrift für Soziologie*. 2000. Jg. 29. S. 294-312.
- Fischer-Rosenthal W., Rosenthal G. Warum Biographieanalyse und wie man sie macht // *Zeitschrift für Sozialisationsforschung und Erziehungssoziologie*. 1997. Jg. 17. S. 405-427.
- Fuchs W. Biographische Forschung. Eine Einführung in Praxis und Methode. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984.
- Giere R.N. Science without laws. Chicago / London: University of Chicago Press, 1999.
- Goldthorpe J.H. On sociology. Numbers, narratives, and the integration of research and theory. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Hareven T.K. (Hrsg.) *Transitions: The Family and the Life Course in Historical Perspective*. New York: Academic Press, 1978.
- Hartewig K., Halbach W. R. (Hrsg.) *The History of Oral History. Development, Present State, and Future Prospects. Country Reports // Sonderheft 1990 der Zeitschrift für Biographieforschung und Oral History (BIOS)*. 1990.
- Heckhausen J. Developmental regulation in adulthood: Age-normative and sociostructural constraints as adaptive challenges. New York (NY): Cambridge University Press, 1999.
- Heinz W. (Hrsg.) *From education to work. Cross-national perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Heinz W. R. (Hrsg.) *The Life Course and Social Change: Comparative Perspectives*. Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 1991.
- Heinz W. R. (Hrsg.) *Theoretical advances in life course research*. Weinheim: Deutscher Studienverlag, 1991.
- Heinz W. R. *Arbeit, Beruf und Lebenslauf*. Weinheim und München: Juventa, 1995.
- Heinz W. R. *Institutions and gatekeeping in the life course*. Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 1992.
- Hillmert St. *Ausbildungssysteme und Arbeitsmarkt. Lebensverläufe in Großbritannien und Deutschland im Kohortenvergleich*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 2001.
- Hoem B. Entry into motherhood: the influence of economic factors on the rise and fall in fertility, 1986-1997 // *Demographic Research*. 2000. Vol. 2. online journal: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol2/4>.
- Hogan D.P. The variable order of events in the life course // *American Sociological Review*. 1978. Vol. 43. P. 573-586.
- Holland P. W. Statistics and causal inference // *Journal of the American Statistical Association*. 1986. Vol. 81. P. 945-960.

- Huinink J. Bildung und Familienentwicklung im Lebensverlauf // Zeitschrift für Erziehungswissenschaft. 2000. Jg. 2. S. 209-227.
- Huinink J. Warum noch Familie? Frankfurt a. M.: Campus, 1995.
- Huinink J., Mayer K.U. u.a. Kollektiv und Eigensinn. Lebensverläufe in der DDR und danach. Berlin: Akademie Verlag, 1995.
- Huinink J., Wagner M. Regionale Lebensbedingungen, Migration und Familienbildung // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1989. Jg. 41. S. 669-689.
- Hullen G. Lebensverläufe in West- und Ostdeutschland. Opladen: Leske+Budrich, 1998.
- Kelly J. R., McGrath J. E. On time and method. Newbury Park: Sage, 1988.
- Klijzing E., Cairns H. On the quality of FFS event history data: of critical importance in life course research // GLOBALIFE Working Paper Series. Fakultät für Soziologie, Universität Bielefeld. 2000. No. 13.
- Klijzing E., Corijn M. Comparative research on fertility and the family in contemporary Europe: Findings and lessons. Geneva / New York: United Nations, 2001.
- Kohli M. Die Institutionalisierung des Lebenslaufs. Historische Befunde und theoretische Argumente // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1985. Jg. 37. S. 1-29.
- Kohli M., Künemund H. (Hrsg.) Die zweite Lebenshälfte — Gesellschaftliche Lage und Partizipation im Spiegel des Alters-Survey. Opladen: Leske & Budrich, 2000.
- Kohli M., Künemund H., Motelund A., Szydlik M. Grunddaten zur Lebenssituation der 40-85jährigen deutschen Bevölkerung. Ergebnisse des Alters-Survey. Berlin: Weißensee Verlag.
- Konietzka D. Ausbildung und Beruf. Die Geburtsjahrgänge 1919-1961 auf dem Weg von der Schule in das Erwerbsleben. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1999.
- Krüger H. Bilanz des Lebenslaufs: Zwischen sozialer Strukturiertheit und biographischer Selbstdeutung // Soziale Welt. 1993.
- Kurz K. Soziale Ungleichheit und Wohneigentum // Zeitschrift für Soziologie. 2000. Jg. 29. S. 28-44.
- Lauterbach W. Berufsverläufe von Frauen: Erwerbstätigkeit, Unterbrechung und Wiedereintritt. Frankfurt a. M. / New York: Campus, 1994.
- Lieberson S. Making it count. The improvement of social research and theory. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Liefbroer A. C. The Choice Between a Married or Unmarried First Union by Young Adults // European Journal of Population. 1991. Vol. I. P. S. 273-298.
- Lillard L. A. Simultaneous Equations for Hazards: Marital Duration & Fertility Timing // Journal of Econometrics. 1993. Vol. 56. P. 189-217.
- Lillard L. A., Brien M. J., Waite L. J. Premarital Cohabitation and Subsequent Marital Dissolution: A Matter of Self-Selection? // Demography. 1995. Vol. 32. P. 437-457.
- Manting D. Dynamics in marriage and cohabitation. An inter-temporal, life course analysis of first union formation and dissolution. Amsterdam: Thesis Publishers, 1994.
- Marini M. M., Singer B. Causality in the social sciences // Clogg C.C. (Ed.): Sociological Methodology. San Francisco: Jossey-Bass, 1988. P. 347-409.
- Matthes J., Pfeiffenberger A., Stosberg M. (Hrsg.) Biographie in handlungswissenschaftlicher Perspektive. Nürnberg, 1981.

Mayer K. U. (Hrsg.) Lebensverläufe und sozialer Wandel. Anmerkungen zu einem Forschungsprogramm // Mayer K. U. (Hrsg.) Lebensverläufe und sozialer Wandel. Sonderheft 31 der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. S. 7-21.

Mayer K. U. Lebensverlauf // Schäfers B., Zapf W. (Hrsg.) Handwörterbuch zur Gesellschaft Deutschlands. 2. Auflage. Opladen: Leske + Budrich, 2001. S. 446-460.

Mayer K. U. Notes on a comparative political economy of life courses // Comparative Social Research. 1997. Vol. 16. P. 203-226.

Mayer K. U., Baltes P. B. Die Berliner Altersstudie. Berlin: Akademie Verlag, 1996.

Mayer K. U., Blossfeld H.-P. Die gesellschaftliche Konstruktion sozialer Ungleichheit // Berger P. A., Hradil St. (Hrsg.) Ende der Schichtungssoziologie? Sonderband der Sozialen Welt, 1990. S. 297-318.

Mayer K. U., Schöpflin U. The state and the life course // Annual Review of Sociology. 1989. Vol. 15. P. 187-209.

Mayer K. U., Tuma N.B. Event history analysis in life course research. Madison: University of Wisconsin Press, 1990.

Mayer K.U. Lebenslaufsforschung // Voges W. (Hrsg.) Methoden der Biographie- und Lebenslaufsforschung. Opladen: Leske + Budrich, 1987. S. 51-73.

Mayer K.U., Allmendinger J., Huinink J. (Hrsg.) Vom Regen in die Traufe. Frankfurt: Campus, 1991.

Mayer K.U., Huinink J. Alters-Perioden- und Kohorteneffekte in der Analyse von Lebensverläufen oder: Lexis a de // Mayer K. U. (Hrsg.) Lebensverläufe und sozialer Wandel. Sonderheft 31 der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Opladen: Westd. Verlag, 1990. S. 442-459.

Mayer K.U., Müller W. The state and the structure of the life course // Sorensen A. B., Weinert F. F., Sherrod L. F. R. (Hrsg.) Human development and the life course. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1986. P. 217-245.

Meulemann H. Die Geschichte einer Jugend. Lebenserfolg und Erfolgsdeutung ehemaliger Gymnasiasten zwischen dem 15. und 30. Lebensjahr. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1995.

Mills M The transformation of partnerships. Canada, the Netherlands, and the Russian Federation in the age of modernity. Amsterdam: Thela Thesis Population Studies Series, 2000.

Mills M., Torvato F. A comparative analysis of the effect of pregnancy in cohabiting unions on formal marriage in Canada, the Netherlands, and Latvia // United Nations Economic Commission for Europe's Statistical Journal. 2000. Vol. 17. P. 1-16.

Müller W. Klassenlage und Lebenslauf. Universität Mannheim (Habilitationsschrift), 1978.

Nauck B. Sozialer Wandel, Migration und Familienbildung bei türkischen Frauen // Nauck B., Schönplflug U. Familien in verschiedenen Kulturen. Stuttgart: Enke, 1997. S. 162-199.

Niethammer L. (Hg.) Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis. Frankfurt a.M., 1980.

Niethammer L., von Plato A., Wierling D. Die volkseigene Erfahrung. Berlin: Rowohlt, 1991.

Plato A. v. Zeitzeugen und die historische Zunft // BIOS. 2000. No 1. S. 5-29.

Pötter U. Models for interdependent decisions over time // Janssen J., Skiadas C. H. (Eds.) Applied stochastic models and data analysis. World Scientific Publishers, 1993. P. 787-779.

Pötter U., Blossfeld H.-P. Causal inference from series of events // European Sociological Review. 2001. Vol. 17. P. 21-32.

Prein G., Erzberger C. Integration statt Konfrontation! Ein Beitrag zur methodologischen Diskussion um den Stellenwert quantitativen und qualitativen Forschungshandelns // Zeitschrift für Erziehungswissenschaft. 2000. Jg. 3. S. 343-357.

Preisendörfer P., Burgess Y. Organizational dynamics and career patterns: Effects of organizational expansion and contraction on promotion chances in a large West German company // European Sociological Review. 1988. Vol. 4. P. 32-45.

Riley M. W. Aging from birth to death: Interdisciplinary perspectives. Boulder (CO): Westview, 1979.

Rohwer G. Kontingente Lebensverläufe. Soziologische und statistische Aspekte ihrer Beschreibung und Erklärung. Bremen: University of Bremen (Habilitationsschrift), 1995.

Sackmann R., Weymann A., Wings M. Die Generation der Wende. Berufs- und Lebensverläufe im sozialen Wandel. Opladen: Westdeutscher Verlag, 2001.

Sackmann R. Konkurrierende Generationen auf dem Arbeitsmarkt. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998.

Sackmann R., Wings M. (Hrsg.) Strukturen des Lebenslaufs. Weinheim / München: Juventa, 2001.

Shavit Y., Blossfeld H.-P. Equalizing educational opportunity: Do gender and class compete? // Erikson R., Jonsson J. O. Can education be equalized? Boulder (CO): Westview, 1996. P. 233-253.

Shavit Y., Blossfeld H.-P. Persistent inequality. Boulder (CO): Westview, 1993. Shavit Y., Müller W. From school to work. Oxford: Clarendon Press, 1998.

Strohmeier K.-P. "Movers" und "Stayers". Räumliche Mobilität und Familienentwicklung // Herlth A., Strohmeier K.-P. (Hrsg.) Lebenslauf und Familienentwicklung. Opladen: Leske+Budrich, 1989. S. 165-188.

Trappe H. Emanzipation oder Zwang? Frauen in der DDR zwischen Beruf, Familie und Sozialpolitik. Berlin: Akademie Verlag, 1995.

Tuma N. B., Hannan M. T. Social dynamics. Models and Methods. Orlando et al.: Academic Press, 1984.

Upchurch D. M., Lillard L. A., Panis C. W. A. Updating Women's Life Course: Theoretical and Methodological Considerations. Labor and Population Program // Working Paper Series 95-18. Rand Corp. Santa Monica, 1995.

Vaskovics L., Rost H., Hoffmann B. Lebensverläufe in der Moderne. Bd. 2. Ehe und Elternschaft. Opladen Leske+Budrich, 2001.

Wagner G., Schupp J., Rendtel U. Das Sozio-ökonomische Panel (SOEP). Methoden der Datenproduktion und -aufbereitung im Längsschnitt // Hauser R., Wagner G. (Hg.) Mikroanalytische Grundlagen der Gesellschaftspolitik Bd. 2. Berlin: Akademie Verlag, 1994. S. 70-112.

Wagner M. Räumliche Mobilität im Lebensverlauf. Stuttgart: Enke, 1989.

Wagner M. Scheidung in Ost- und Westdeutschland. Zum Verhältnis von Ehestabilität und Sozialstruktur seit den 30er Jahren. Frankfurt/M: Campus, 1997.

Wagner M., Mulder C. H. Wohneigentum im Lebenslauf: Kohortendynamik, Familiengründung und sozioökonomische Ressourcen // *Zeitschrift für Soziologie*. 2000. Jg. 29. S. 45-60.

Weymann A., Heinz W. R. (Eds.) *Biography and Society. Interrelationships between Social Structure, Institutions and the Life Course*. Vol. IX. Deutscher Studien Verlag. Weinheim, 1996.

Yamaguchi K. *Event history analysis*. Newbury Park (CA): Sage, 1991.